

ПОВСЕДНЕВНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

Опубликовано в журнале *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2004, №5 с. 33-40

Борис Гладарев

**Центр независимых социологических исследований:
E-mail: boris@indepsores.spb.ru**

Жизнь современного общества тесно связана с развитием и массовым распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). С одной стороны новые технологии играют решающую роль в промышленном производстве, определяют экономическую и политическую динамику, а с другой - компьютеры, мобильные телефоны, электронные средства массовой информации стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей.

В последние десять лет российское общество тоже активно включилось в глобальный процесс информатизации. Попытки осмысления этих процессов в нашей стране ведутся в основном экономистами, маркетологами, техническими специалистами, работающими в сфере ИКТ, тогда как в других странах эти проблемы уже давно стали предметом большой социологической дискуссии.

Начиная со второй половины 1960-х годов, в ряде стран стала развиваться концепция «информационного общества» как модификация концепций постиндустриального общества. В 1980-х годах исследования проблем информационного общества за рубежом значительно расширились. Во Франции наиболее видными представителями этого направления являются А. Турен (Турен, 1986), П. Серван-Шрайбер, М. Понятовский, в Германии - Ю. Хабермас, Н. Луман (Луман, 1998), Р. Мюнх (Мюнх, 1998), в США - М. МакЛюэн (McLuhan, 1968), Д. Белл (Белл, 1980; 1986), О. Тоффлер (Тоффлер, 1999), М. Кастельс (Кастельс, 2000), Ф. Фукуяма (Фукуяма, 2003), в Японии - И. Масуда (Masuda, 1981).

Работы этих авторов посвящены различным аспектам развития современного общества, но их объединяет интерес к влиянию новых информационно-коммуникационных технологий на экономическую, социальную, политическую и культурную сферы жизни общества. В значительной степени дискурс информационного общества связан с дискурсом глобализации в контексте трансформации социальных институтов и человеческих взаимоотношений в новых условиях.

В 1990-х годах исследования информационно-коммуникационных технологий получили все более широкое распространение, но при этом стали отличаться критическим пафосом. Работы П. Вирилио (Вирилио, 2002), У. Бека (Бек, 2000, 2001) П. Козловски (Козловски, 1997), Р. Сеннета (Зеппеи, 1998), З. Баумана (Бауман, 2002), Т.Х. Эриксона (Эриксен, 2003) акцентируют свое внимание на негативных последствиях «тотальной информатизации».

Основными темами этой дискуссии стали вопросы, фокусирующиеся на формировании новой пространственно-временной организации жизни современных обществ. Они описывают социально атомизированных индивидов освободившихся от конвейера, работающих по гибкому графику, который стирает различия между работой и свободным временем, публичностью и приватностью. Индивидов, которые благодаря информационно-коммуникационным технологиям находятся в таких новых формах взаимоотношений, при которых человек постоянно доступен. Расстояния, в описываемом в рамках этой дискуссии мире, успешно преодолены. Пространственная организация повседневной жизни существенно изменилась. Время уплотняется, и ритм жизни постоянно возрастает. Потoki информации, увеличивающиеся в гео-

метрической прогрессии, требуют повседневного использования информационно-коммуникационных технологий для существования в новом информационно-временном формате. Характерной особенностью сложившейся дискуссии является доминирование макро-перспективы, которая при этом исходит из реалий развитых западных обществ.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что технологическая революция, произошедшая в средствах коммуникации в середине 1980-х годов, становится одним из важнейших факторов общественного развития. Расширение возможностей для коммуникации посредством эффективных, недорогих и мобильных средств связи создает предпосылки для новой организации общества. По мере расширения сети пользователей интернета и мобильной телефонии, целые сферы человеческой деятельности стремительно переносятся в поле дистанционной коммуникации (Иванов, 2002: 132). Изменяется привычный порядок взаимодействия, как на уровне институтов, так и на уровне индивидов, участвующих в интеракциях. Трансформируются «основы и категории, в рамках которых мы до сих пор мыслили и действовали, - пространство и время, труд и досуг, предприятие и национальное государство» (Бек, 2000: 25). Как любая революция, революция в сфере коммуникаций вызывает «культурную травму», быстро вытесняя привычные формы работы, общения, образования, развлечений, властных диспозиций и замещая их новыми (Иванов, 2002: 141).

В российской социологии тема информационного общества стала актуальной в последнее десятилетие. Появились многочисленные работы, посвященные макросоциальным процессам в информационном обществе (например, Иноземцев, 1998, 1999, 2000), некоторые исследователи пытаются рассматривать эти проблемы в контексте российской специфики (Соколова, 1999а, 1999б). Анализируются идеология формирующегося информационного общества (Алексеева, 1998), процессы виртуализации социального пространства (Иванов, 2000). Есть исследования аудитории РуНет (Чугунов, 2000а, 2000б, 2002), лингвистических аспектов интернет-коммуникации (Бергельсон, 1999; Войсунский, 2003). Особенности коммуникации, осуществляемой с помощью новых ИКТ, привлекают внимание социальных психологов, которые делают акцент на изучении норм и правил, лежащих в основе такого общения (Белинская, 2002).

Однако в российской научной дискуссии существует тенденция, выражающаяся в том, что исследователи ИКТ концентрируют свои исследовательские усилия только на одной технологии (пусть и весьма значимой) - на изучении интернет. В то же время круг пользователей мобильной телефонии в России гораздо шире, чем аудитория интернет. Как отмечает сотрудник информационно-аналитического агентства «Сотовик» Григорий Долин, «общая абонентская база операторов мобильной связи в РФ за последние 12 месяцев удвоилась и приближается к рубежу в 40 млн. (20-миллионная отметка была преодолена в феврале 2003 года). Уровень проникновения¹ мобильной связи в стране вырос по сравнению с февралем прошлого года тоже в два раза - 27,5%» (Долин, 2004а). Почти также стремительно расширяется группа пользователей интернет. Их количество в РФ за последний год выросло на 40%. Сейчас она составляет около 21 млн. человек (Долин, 2004б), однако это почти

¹ «Уровень проникновения» - маркетинговая категория, описывающая реальные и возможные масштабы использования потребителями того или иного товара или услуги.

вдвое меньше числа пользователей мобильной телефонии. Та-Ким образом, наиболее популярной технологией дистанционной коммуникации на настоящий момент, помимо стационарного телефона, является мобильная телефония. Только в Петербурге, где по данным Госкомстата проживает 4,67 млн. человек², сейчас насчитывается 4,24 млн. пользователей мобильных телефонов (Брюквин, 2004).

Из социологической перспективы мне кажется важным понять, почему ИКТ получили столь массовое распространение, определить их роль и место в социальных взаимодействиях на разных уровнях.

Предметом исследования являются повседневные практики пользования ИКТ 20-30 летними молодыми людьми, проживающими в Петербурге. Понятие «повседневных практик» будет использоваться для обозначения рутинной деятельности индивидов - привычных способов обращения с другими людьми, вещами, символами, своим телом, языком, временем и пространством (Волков, 1997).

Актуальность подобного исследования связана также с тем, что в современной российской социологической дискуссии работ, посвященных социальной роли мобильного телефона и электронной почты на микро-уровне повседневной коммуникации, практически нет. Существует одно исследование, связанное с анализом стиля и практик разговора по стационарному телефону (Красовский, 2000), где автор рассматривает свой собственный опыт дистанционной коммуникации с невидимым собеседником, а также исследование, посвященное семантике мобильного телефона в молодежной субкультуре (Николаева Е.В./ Николаева Т.Н., 2004). Также нужно упомянуть представляющее интерес для моей работы эссе Валерия Голофаства, в котором лейтмотивом проводится идея о возникновении новой *информационной среды*, которая принуждает изобретать новые формы общения, проникая во все институты, взламывая формы приватности, деформируя привычные культурные нормы и установки поведения (Голофаст, 2002: 15). Однако это размышление скорее напоминает «рефлексию на тему» и не опирается на какие-либо конкретные данные социологических исследований.

Эмпирические исследования мобильной телефонии и электронной коммуникации в России, которые существуют в настоящий момент, в большинстве своем имеют маркетинговую направленность и носят закрытый характер. Данные этих исследований либо предоставляются за плату (150-200\$), либо собираются для внутреннего использования компаниями мобильной связи.

Анализ открытых источников (интернет, газетные и журнальные публикации за 1,5 года)³ демонстрирует широкое применение ссылок на анонимных «социологов», «аналитиков», «исследователей» для подтверждения высказываемых мнений, легитимации информации и приводимых цифр. Тогда как реально проводимые исследования упоминаются крайне редко, а их достоверность невозможно верифицировать. Серьезное расхождение данных и очевидная ангажированность авторов статей требует критического отношения к этой информации со стороны исследователя.

Моя работа находится в русле теоретического подхода, известного как *социология практик*. На концепции «практики» основаны многие современные теории социального действия. К числу социологических теорий практики относят конструктивистские и некоторые постструктуралистские концепции, принимающие постулат детерминации социального действия имплицитными, нерелефлексивными («фоновыми») и индивидуальными практиками как символическими порядками и диспозитивами действия (Девятко, 2003: 289). Исследования в рамках социологии практик ориентируются на изучение соци-

ального взаимодействия на микро-уровне и реализуются посредством применения качественной методологии. Выбор качественной методологии обусловлен исследовательским вопросом, который фокусируется на повседневных практиках коммуникации с помощью ИКТ.

В анализе практик на всех перечисленных уровнях я отталкиваюсь от индивида, который включается во взаимодействия с государством, организациями, или другими индивидами. Информацию такого рода возможно получить только применяя качественную методологию исследования, позволяющую «раскрыть скрытые субъективные смыслы, или механизмы функционирования социальной практики» (Семенова, 1998: 13).

Практики принципиально не скрыты, но для того чтобы их рассмотреть, требуется определенная техника отстранения, описания и интерпретации (Волков, 1997: 18). Особенности повседневного поведения слабо рефлексируются непосредственными его акторами, поэтому не могут быть адекватно описаны количественными методами, которые ориентируются на сбор данных, не нуждающихся во множественной интерпретации и очевидных для участников социального взаимодействия.

Из достаточно широкого арсенала качественных стратегий исследования практик я остановил свой выбор на множественном исследовании случаев (*collective case approach*), так как, анализируя системы институционального и индивидуального дисциплинирования, реализуемые через ИКТ, я старался учесть как можно более широкий диапазон повседневных тактик и стратегий, используемых для осуществления контроля и уклонения от контроля.

В данном исследовании участвовали четырнадцать пользователей ИКТ, которые рассматривались мной как четырнадцать отдельных случаев множественного кейс-стади. В отличие от коллекции глубинных интервью, где индивидуальные характеристики информанта имеют косвенное значение при интерпретации его нарратива, в моем исследовании каждый случай был детально изучен с применением нескольких методов сбора данных, все обобщения строились исходя из индивидуального профиля участника, а отдельное внимание было уделено анализу контекста, в который были вписаны кейсы. Стратегия множественного case-study позволила рассмотреть многообразие форм индивидуального и институционального контроля посредством ИКТ не утрачивая специфики каждого отдельного случая.

Единицей анализа в исследовании является индивид - пользователь ИКТ. Основные критерии отбора информантов были продуманы заранее. Этот тип отбора определяется как *теоретическая выборка*, то есть в каждом случае учитывались характеристики, которые имели теоретическое значение для последующей интерпретации данных.

Критериями отбора информантов являлись:

- возраст - им должно было быть на момент исследования от 20 до 30 лет. Выбор возрастной когорты объясняется статистическими данными, которые выделяют ее как группу наиболее активных пользователей ИКТ в России.⁴
- гендер - было исследовано равное число мужчин и женщин
- доход - информанты отбирались по признаку максимального отличия в отношении к регулярным доходам, что могло отразить специфику использования ИКТ в разных экономических стратах
- образование - информанты должны были принадлежать к группам с разным образовательным ресурсом, что также может влиять на специфику использования ИКТ в повседневном взаимодействии
- профессиональная принадлежность - информанты должны были принадлежать к разным профессиональным

² Доклад Госкомстата России «Об итогах Всероссийской переписи 2002 года» на заседании Правительства Российской Федерации 12 февраля 2004 года, в: http://www.gks.ru/PEREPIStabl_1.htm

³ Анализировались публикации в газетах за 2003-2004 гг.: «Деловой Петербург», «Дело», «Известия», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Время новостей», «Санкт-Петербургские ведомости», журналы: «Телефон», «Russian Mobile», «Ultra Star», а также интернет-сайты всех крупнейших операторов и прочие ресурсы, например: www.sotovik.ru, www.hro.org/editions/privacy/, www.nsd.ru

⁴ Данные портала www.sotovik.ru/analyt/russia_126.html, кроме этого они подтверждены материалами экспертного интервью

группам, что, возможно, продемонстрирует различия профессионального пользования ИКТ - горизонтальная мобильность – среди информантов должны были быть как коренные петербуржцы, так и мигранты, чтобы выяснить специфику пользования ИКТ в ситуации стационарного проживания и миграции.

Ограничение количества кейсов 14-ю случаями обусловлено теоретической насыщенностью полевых данных. Выборка осуществлялась на основании приведенных выше критериев по принципу максимальной вариативности.

Полевое исследование проходило с декабря 2002 года по июль 2003 года⁵.

В исследовании применялось несколько методов сбора полевого материала. Так как исследовательский проект состоял из двух этапов: множественное кейс-стади и анализ контекста, на каждом этапе применялись различные методы.

Анализ контекста, в который были вписаны исследованные случаи, имел большое значение как рамка интерпретации индивидуальных нарративов, поскольку исследованные практики напрямую коррелируют с развитием технологий, рынка услуг, тарифами и предложениями операторов сотовой связи и провайдеров интернет-услуг. Для этого были проанализированы следующие документы: газетные, журнальные, интернет публикации, посвященные ИКТ за 1,5 года, официальные интернет-сайты всех крупнейших операторов сотовой связи, а также другие ресурсы, освещающие изменения рынка ИКТ Санкт-Петербурга⁶.

Кейс-стади включало в себя слабоструктурированное интервью, спровоцированный дневник недельной коммуникации и лейтмотивное интервью по материалам заполненного дневника и записной книжки мобильного телефона. Первое слабоструктурированное интервью было сфокусировано на практиках пользования ИКТ и роли средств дистанционной коммуникации в повседневной жизни и общении информанта. Большой блок первого интервью был посвящен биографии опрашиваемого, что позволило детально описать индивидуальный профиль каждого случая. После интервью информант получал формы дневника и подробные инструкции по его заполнению. Форма дневника представляла собой таблицы, в которых информант должен был в течение недели фиксировать все значимые контакты, отмечать время, продолжительность, место и содержание контакта. Альтеры, то есть те, с кем происходил контакт, обозначались при помощи псевдонимов, выбранных информантом, а форма контакта: посредством разных технических средств или непосредственно лицом к лицу, обозначалась в предложенной исследователем системе кодировок.

Затем для каждого отдельного случая разрабатывался гид второго лейтмотивного интервью, которое включало темы, упущенные в первом интервью и вопросы, возникающие из первичного анализа дневника. Второе интервью давало возможность обсудить повседневные ситуации применения ИКТ, предметно фокусируясь на каждой из отмеченных в дневнике ситуации. Кроме того, вторая часть этого интервью представляла собой рассказ информанта о своей социальной сети, опираясь на вопросы интервьюера и данные своей телефонной книжки из памяти мобильного телефона. Сначала информант отвечал на вопросы об альтерах, с которыми он контактировал за неделю, затем вспоминал важных альтеров, которые не вступали с ним в контакт в течение недели заполнения, но являются «важными» и, наконец, обращался к электронной памяти своей телефонной книжки. В ходе интервью он заполнял специальную форму, где отмечал основную информацию об альтерах своей персональной сети: имя, источник информации об альтере (дневник, память информанта, данные записной книжки), возраст, тендер, профессия, место жительства, место рождения, продолжительность знакомства информанта с альтером, место и контекст первой

встречи, цепочка, если знакомство состоялось через третьих лиц, природа отношений и близость отношений. Причем рассказ информанта, сопровождающий записи в вышеуказанную форму, фиксировался на диктофон. В заключение интервью информант заполнял схему «кругов близости», где самые близкие альтеры его сети схематически находились рядом с ним, а наименее близкие на периферии.

Применяя подобную методологию, я получил уникальные по полноте данные о практиках использования разными каналами коммуникации и о социальных сетях каждого информанта.

Для интерпретации данных я использовал метод «профильной оценки», предложенный Вернером Фукс-Хайнтрицем: в каждом случае в основе профильного оценивания лежит предположение, что отдельные места из интервью должны интерпретироваться для себя и прямо могут быть соотнесены с соответствующими местами из другого интервью (Фукс-Хайнтриц, 1994: 31). Я выбирал фрагменты нарративов, посвященных контролю и микрофизической власти и сравнивал их с данными дневников, затем приходил к «профильному сравнению» разных кейсов.

Таким образом, к участию в проекте было привлечено 14 человек⁷. Информанты рекрутировались через персональную сеть исследователя. Они имеют относительно различный биографический background. Их жизненные проекты значительно отличаются по многочисленным параметрам. В исследовании участвовали люди с доходом от 100 (случай 4) до 1000 долларов (случай 2 и 5), с образованием от среднего (случаи 2, 4, 8 и 11) до поствузовского (аспиранты - случаи 6, 9, 10), коренные жители Петербурга (случаи 1, 3, 4, 5, 7, 8, И) и мигранты (случаи 2, 6, 9, Ю, 12, 13, 14), студенты и домохозяйки, программмисты и профессиональные спортсмены, люди с многолетним опытом пользования ИКТ (например, случаи 5 и 7) и, включившиеся в сети пользователей мобильной телефонии и интернета совсем недавно (случаи 1 и 12). При отборе информантов был соблюден тендерный баланс: семь женщин и семь мужчин участвовали в исследовании. Некоторые информанты (1, 3, 4, 5) принадлежали к одной сети. В случаях 3 и 13 у информантов есть дети. Случаи 9 и 10 являются семейной парой, причем они заполняли дневники параллельно.

В ходе проекта было собрано 28 интервью (по два интервью от каждого информанта) и 14 дневников. Они составили два массива данных: лейтмотивные интервью и дневники повседневной коммуникации.

Хотя в исследовании было проанализировано только 14 случаев, в результате были получены достаточно объемные данные. В частности я получил информацию о 710 альтерах 14 персональных сетей, данные о 775 контактах с участием 911 альтеров, состоявшихся у 14 информантов в течение недели заполнения дневника.

Я сконцентрировал свое внимание на изучении корреляции между практиками пользования различными каналами коммуникации и характером (природой) этой коммуникации.

Дневниковые данные, размещенные в Таблице 1, дают представление о пользовании различными каналами коммуникации каждым из информантов в течение недели.

Максимальное число контактов, зафиксированных за неделю, составило 97 (случай 2), минимальное - 26 (случай 14).

В течение недели большую часть контактов с альтерами 20-30 летние молодые люди и девушки осуществляли посредством разных информационно-коммуникационных технологий. Информанты в среднем в 4 раза чаще коммуницировали посредством ИКТ, чем общались «лицом к лицу». Это очень важная тенденция говорит о том, что ИКТ играют принципиальную роль в современных практиках коммуникации. В интервью почти все информанты отмечали, что контакты «лицом к лицу» имеют для них наибольшее значение. Они подчеркивали вспомогательную роль ИК-средств для своего общения:

⁵ исследовательский проект «Пользователи мобильных телефонов в России. Новая фигурация общения», осуществлен при поддержке Telenor и France Telecom.

⁶ см. сноску 3.

⁷ Каждый информант за участие в проекте получил вознаграждение в размере 100 евро.

Таблица 1 Соотношение контактов лицом к лицу и контактов посредством различных ИКТ каналов за неделю по данным 14 дневников

случай	«лицом к лицу»	через совокупность ИКТ	стационарный телефон	мобильный телефон	SMS	электронная почта	факс	традиционная почта	ICQ и другие системы "in-real-time"	соотношение числа ИКТ контактов к числу контактов «лицом к лицу»
1	15	35	15	7	6	6	0	0	1	2,3
2	10	87	23	50	14	0	0	0	0	8,7
3	24	47	26	13	6	2	0	0	0	1,9
4	17	37	21	15	1	0	0	0	0	2,2
5	16	40	17	8	И	4	0	0	0	2,5
6	19	28	2	12	1	5	0	0	8	1,5
7	21	61	30	24	5	1	1	0	0	2,9
8	16	35	6	13	5	4	0	0	7	2,2
9	13	38	И	9	9	5	0	4	0	2,9
10	8	30	6	5	8	И	0	0	0	3,7
И	25	26	7	13	6	0	0	0	0	1,0
12	2	43	4	21	16	0	0	2	0	21,5
13	38	25	1	17	3	2	0	0	2	0,6
14	4	22	9	7	5	1	0	0	0	5,5
Итого:	228	554	178	214	96	41	1	6	18	4,2

«Ну, обычно я звоню только для того, чтобы договориться о встрече. То есть для меня личное общение гораздо интереснее, чем общение по телефону. Вот... Я или звоню, или можно SMS-кой договориться» (случай 5 - муж., 29 лет, программист)

Однако данные дневников показывают, что только в одном случае информанта 13, контактов «лицом к лицу» было количественно больше чем контактов через различные ИКТ. В остальных случаях дистанционная коммуникация происходит значительно более часто, чем встречи «лицом к лицу», в некоторых случаях (12) более чем в 20 раз чаще.

Таким образом, можно говорить о информационно-коммуникационных технологиях как о исключительно значимых инструментах повседневного взаимодействия.

Из ИК-средств наибольшей популярностью среди 20-30 летних молодых людей и девушек, проживающих в Петербурге, пользуется мобильный телефон, сразу за ним - стационарный телефон и потом, с большим отрывом, электронная почта (кроме случая 10, где она была преимущественным способом контакта), потом - традиционная почта и факсимильные сообщения. Однако во всех исследованных случаях факс применяется только по рабочей необходимости, практик применения факса для личной переписки не зафиксировано.

Данные исследования показывают, что в среде петербургской молодежи пользование традиционной почтой исчерпывается пересылкой официальных бумаг, только в двух случаях мигрантов (9 и 10) традиционная почта продолжает играть важную коммуницирующую роль для связи с родственниками, живущими в других городах, причем информанты подчеркивают эмоциональную важность этого канала коммуникации:

«...я продолжаю считать бумажные письма более личными, чем электронные. <...> если есть возможность что-то написать от руки, то я пишу от руки и посылаю бумажные письма. Плюс еще родственники жены, у них нет возможности получать e-mail в Балаково, и туда она пишет письма от руки», (случай 10 - муж, 24 года, аспирант)

В случае 12, информантка также регулярно использует традиционную почту, но при этом говорит, что предпочла бы использовать SMS-переписку, но подавляющее большинство альтернатив ее сети, находящиеся в других городах, не имеют мобильных телефонов. То есть к написанию писем ее побуждает отсутствие других приемлемых средств коммуникации на большом расстоянии (она является одной из двух информантов, не имеющих навыков пользования электронной почтой).

Современные технологии дистанционной коммуникации, такие как мобильный телефон и электронная почта, постепенно вытесняют традиционную почту как коммуникационный канал из повседневных практик молодых жителей Петербурга. Это наглядно отражено в Таблице 1: в абсолютных числах контактов через e-mail, ICQ и IRC почти в пять раз больше, чем контактов посредством традиционной почты. Кроме того, во всех исследованных случаях не зафиксировано ни одного примера пользования телеграфом.

В Таблице 2 показано соотношение длительности контактов «лицом к лицу» и контактов посредством различных ИК-технологий. Несмотря на то, что частота контактов через ИКТ численно больше, время в среднем на них затрачивается в четыре с лишним раза меньше, чем на общение «лицом к лицу». Выпадающим является только 14 случаев, в котором информантка за неделю заполнения дневника около 100 минут проговорила по стационарному телефону, общаясь «лицом к лицу» за этот же период всего 115 минут.

Эти данные говорят о месте, которое занимает мобильная телефония и прочие ИКТ в повседневной жизни молодых жителей Петербурга. Они плотно вошли в ткань повседневности, но носят вспомогательный характер, то есть применяются, когда общение «лицом к лицу» по каким-либо причинам невозможно. Это подтверждается и материалами интервью:

«Ну, да, конечно я много болтаю по городскому телефону. Еще, между прочим, у меня дома есть электронная почта, и по мобильному я частенько разговариваю. Есть такие люди, с которыми просто нет иной связи», (случай 1 - жен., 24 года, помощник редактора)

Или:
«Телефон я воспринимаю как инструмент для того, чтобы договориться о встрече, чтобы выяснить какой-то вопрос, который немедленно нужно выяснить и что-то в этом роде. Он не для общения, собственно, дружеского». (случай 3 - жен., 28 лет, переводчик)

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии, в представлениях и практиках молодежи Петербурга, прежде всего, являются дополнительными каналами, которые задействуют при необходимости срочной связи или при отсутствии возможности видится «лицом к лицу» по временным, пространственным или психологическим ограничениям.

Анализ повседневных практик пользования ИКТ, позволяет выделить набор основных функций, которые им предписываются в повседневной коммуникации. Если обратиться к прак-

Таблица 2. Соотношение длительности контактов лицом к лицу и контактов посредством различных ИКТ каналов за неделю по данным 14 дневников

случай	лицом к лицу (в мин.)	контакты через ИКТ (в мин.)	стационарный телефон (в мин.)	мобильный телефон (в мин.)	SMS (в мин.)	электронная почта (в мин.)	факс (в мин.)	традиционная почта (в мин.)	1CO и другие системы «in-real-time» (в мин.)	Отношение длительности встреч лицом к лицу к длительности контактов через ИКТ
1	1495	371,5	213	7,5	6	135	0	0	10	4
2	841,5	273,6	202	43,6	28	0	0	0	0	3,1
3	1043	236,5	150	14,5	12	60	0	0	0	4,4
4	1015	211	165	44	2	0	0	0	0	4,8
5	1265	160,6	136	5,59	12	7	0	0	0	7,9
6	279	88,9	36	22,65	2	10	0	0	18,25	3,1
7	3292	623	542	54	10	15	2	0	0	5,3
8	860	417,1	31,5	42,6	10	80	0	0	253	2,1
9	707	199,5	91	7,53	18	18	0	65	0	3,5
10	812	153,3	43,1	3,2	16	91	0	0	0	5,3
11	617	60,35	30	18,35	12	0	0	0	0	10,2
12	243	92,05	24,95	29,1	30	0	0	8	0	2,6
13	1328	128,8	3	28,77	6	30	0	0	61	10,3
14	115	144,8	101,8	12,92	10	20	0	0	0	0,8
	13912,5	3160,9	1769,4	334,3	174	466	2	73	342,2	4,8

тикам пользования самой популярной ИК-технологии - мобильному телефону, то можно сказать, что одна из основных функций мобильного телефона - поддержка взаимодействия внутри социальной сети пользователя:

«Для чего я купила? Ну, не знаю... В общем-то, давно хотелось иметь такую возможность, чтобы мне могли позвонить. Иногда бывает обидно, что вот там человек звонил, хотел куда-то позвать или прийти, а телефон был занят или тебя дома не было. Вот для таких вот вещей». (случай 1 - жен., 24 года, помощник редактора)

Интересно, что присутствие на петербургском рынке одновременно семи операторов сотовой связи создает ситуацию, когда реально существующие группы воспроизводят себя, подключаясь к одному оператору:

«Вопрос: А почему именно этот оператор?

Ответ: Ну, потому что у всех друзей этот оператор. Я думаю, что это имело решающее значение». (случай 1 - жен., 24 года, помощник редактора)

То же самое, происходит с интернет-коммуникацией: молодые люди и девушки, принадлежащие к одному кругу общения, часто используют один и тот же сервер, общаются через определенные чаты, используют ту или иную программу общения «in-real-time».

Кроме того, мобильный телефон очень часто используется молодежью для координации совместных действий:

«Координация. Я думаю, да, это наиболее важная функция. Потому что мы звоним, или я звоню мужу, и договариваемся, где мы встречаемся в течение дня. Скажем, если мы не можем договориться об этом утром. А такое случается довольно часто, мы в разное время уходим на учебу, или на работу, и так получается, что утром мы не общаемся практически. То есть, например, я ухожу, он еще спит, или он у ходит, я еще сплю. Такое бывает довольно часто, и поэтому вот у же первый наш контакт в течение дня это, как правило, по телефону, по мобильному». (случай 9 - жен., 23 года, аспирантка)

Дневники показывают, что мобильный телефон в основном применяется для соотношения себя во времени и пространстве с другими членами социальной сети. Длительных

разговоров по нему не ведется (средняя продолжительность чуть больше одной минуты). Основные темы: выяснить кто где находится, когда можно встретиться, что нужно купить. Для разговоров, которые требуют большей продолжительности, используют стационарный телефон.

Другая немаловажная функция - эмоциональная поддержка сети (случай 1, 5 - шуточные SMS, случай 10 - звонки к друзьям в родной город в критические моменты жизни). Мобильный телефон позволяет поддаться мгновенному порыву и напомнить друзьям о своем существовании, поддержать других в трудной ситуации.

Однако есть и обратная сторона: эмоциональные усилия для поддержания связей в социальной сети при наличии мобильного телефона сводятся к минимуму, ответственность за поддержание сети кардинально сокращается⁸. Владелец мобильного телефона может в любой момент, без риска испортить отношения, нарушать свои обязательства, опаздывая на встречу, или как-то иначе изменять достигнутые ранее договоренности. Ему достаточно сделать звонок, ожидающему его альтеру и проблемная ситуация будет разрешена через оправдания. Причем это произойдет в самом процессе разрешения трудной ситуации, а не по его окончании.

Помимо вышеперечисленных, можно выделить еще некоторые ситуации, в которых мобильный телефон наиболее востребован:

- мобильный телефон выполняет функции по обеспечению безопасности (за рулем - случаи 2 и 3, на улице - случай 4, при прохождении бюрократических барьеров - случай И),
- мобильный телефон заменяет домашний стационарный телефон в случае его отсутствия (случай 13),
- пользование определенными моделями мобильных телефонов может быть прочитано как социальный маркер принадлежности к той или иной статусной группе.
- в ряде случаев информанты используют мобильный телефон для работы. Это может происходить на договорных условиях с начальством, которое оплачивает звонки, или роуминг-счета (случай 5), дает мобильный аппарат в пользование (случай 4). Или если заработок информанта зависит от надежности его связи с клиентами (случай 7), он сам выбирает оператора и

⁸ К подобному же заключению пришел и Томас Эриксен: чем больше каналов коммуникации, тем меньше ценности представляет каждый из них (Эриксен, 2003: 193). То есть ситуация постоянной доступности способна изменять природу взаимодействия между индивидами.

тариф, максимально отвечающий его профессиональным интересам.

Мобильный телефон принадлежит к таким предметам повседневной жизни, которые наделяются особым социальным значением. Начав пользоваться его в повседневной жизни человек в большинстве случаев не может обходиться без него, не испытывая при этом вневной практики подавляющего числа пользователей мобильного телефона. Мобильный телефон становится инструментом, посредством которого человек в любом месте может активировать эмоциональную вовлеченность в отношения и постепенно свою социальную сеть, решить возникающие вопросы по мере их становления нормой взаимодействия.

Основываясь на анализе содержания разговоров по мобильному телефону, я выделил пять групп ситуаций, наиболее характерных для его применения:

- координация совместных действий (например: договоренности о месте и времени встречи; напоминание купить что-либо в продовольственном магазине; просьба открыть входную дверь, когда домофон сломан и т.п.)

- «ухаживающие звонки» (например: с целью узнать «как дела?», «все ли в порядке?», «как ситуация на дорогах?», «добрался/ лась ли до места?»),

или поздравления с праздниками, или сообщение информации, что сейчас по ТВ идет хороший фильм и т.п.)

- помощь и консультации (например: узнать телефонный номер врача, парикмахера, или уточнить технические характеристики необходимого авторемонта, или узнать расписание паспортного стола, или просьбы в оказании помощи при переезде, а также просьбы о помощи при плохом самочувствии)

- деловые ситуации (например: ситуации связанные с квартирным ремонтом и необходимостью покупки стройматериалов, ситуации связанные с вторичной занятостью)

- сложноопределяемые ситуации (ситуации, где микшируются признаки вышеприведенных ситуаций)

Количественный подсчет применения мобильного телефона для провоцирования и разрешения различных ситуаций повседневного взаимодействия отражен в Таблице 3.

Таблица 3. Соотношение содержания разговоров по мобильному телефону за неделю заполнения дневника по данным 14 дневников

Ситуации использования МТ	Количество контактов
координация	121 (56,5%)
«ухаживающие звонки»	47 (22%)
помощь и консультации	21 (9,8%)
деловые	16(7,4%)
сложные случаи	9 (4,2%)
Всего	214(100%)

Данные Таблицы 3 наглядно демонстрируют, что молодые люди и девушки, проживающих в Петербурге, в более чем в 50% случаях пользуются мобильным телефоном для координации совместных действий. Звонки и перезванивания стали постоянной практикой, которую можно наблюдать в транспорте и на улицах, в кафе и кинотеатрах. Постоянные согласования своего места в пространстве является неотъемлемой частью жизни пользователя мобильной телефонии.

Значительную часть (22%) составляют так называемые «ухаживающие звонки». Они представляют собой очень интересный феномен сообщений не несущих прямой фактологической информации, а направленных на поддержку эмоциональной связи между звонящим и абонентом. До

распространения такого ИКТ как мобильный телефон люди не имели возможности в любом месте и в любое время подчеркивать свою эмоциональную связь с дистанционно удаленными «значимыми другими». Материалы исследования показывают, что сейчас «ухаживающие звонки» стали повседневной практикой подавляющего числа пользователей мобильного телефона. Бессмысленные на первый взгляд обращения «Где ты?» или «Все у тебя хорошо?» подчеркивают эмоциональную вовлеченность в отношения и постепенно становятся нормой взаимодействия.

Очень часто функцию «ухаживающих звонков» принимают на себя SMS-сообщения. SMS являются третьей по популярности формой ИКТ, которую используют 20-30 летние жители Петербурга, которая уступает только разговорам по мобильному и стационарному телефонам.

Таким образом, самыми распространенными SMS-сообщениями являются тексты: «Спросил ее, как себя чувствует ее мама, не выписали ли ее из больницы» (случай 5) или «Спросил, как она себя чувствует после гулянки» (случай 11), или «Вова пожелал мне доброго утра» (случай 12). А также различные шутки, розыгрыши и поздравления с праздниками, которые я аналитически объединяю в общую группу «ухаживающих сообщений».

Таблица 4. Соотношение содержания SMS за неделю заполнения дневника по данным 14 дневников

Ситуации использования 8М8	Количество контактов
«ухаживающие сообщения»	48 (50%)
координация	37 (38,5%)
помощь и консультации	9 (9,4%)
деловые	1 (1%)
сложные случаи	1 (1%)
Всего	96(100%)

Стоят SMS в среднем в два раза дешевле, чем минута разговора по мобильному телефону, к тому же к ним не применяются надбавки за роуминг. Поэтому многие информанты пользуются SMS для связи с удаленными абонентами, например, друзьями, живущими в других странах (случаи 1, 2, 3, 11) или родственниками в других городах, что особенно часто используется мигрантами (случаи 6, 9, 10, 12, 13).

Кроме того, SMS применяется и в тех случаях, когда человек по той или иной причине хочет избежать прямого контакта с альтером своей сети. Например, в случае 7, когда информант поссорился со своей девушкой, он предпочел коммуницировать с ней посредством SMS:

«Очень часто я пользуюсь (SMS - Б. Г.), когда мне не хочется лично поздравлять человека с днем рождения. Я посылаю формальное поздравление SMS-кой. Ну, в основном, здесь дело даже не в финансах, а просто, если мне не хочется с человеком говорить. Например, тут я со своей девушкой поругался, ну, и послал ей несколько раз SMS-ки «Я тебя люблю». Такие формальные сообщения, когда не хочется лично говорить. Но иногда не лень и самому что-то набрать. Даже достаточно часто», (случай 7 - муж., 28 лет, юрист) То есть, можно сказать, что использование SMS зависит от характера отношений с адресатом. Возможно, SMS коммуникация является маркером менее значимых отношений, и связана не только с практиками экономии. Хотя в большинстве случаев информанты объясняют свое пользование SMS именно экономическими причинами. Например, информантка 9 говорит в интервью, что сейчас значительно меньше стала пользоваться SMS, поскольку стоимость звонков стала ниже:

«То, что раньше мы могли переписываться для того, чтобы сэкономить, сейчас те же самые деньги могут уходить на то, чтобы поговорить. То есть это не будет дороже, чем писать SMS», (случай 9 - жен., 23 года, аспирантка)

«То, что раньше мы могли переписываться для того, чтобы сэкономить, сейчас те же самые деньги могут уходить на то, чтобы поговорить. То есть это не будет дороже, чем писать SMS», (случай 9 - жен., 23 года, аспирантка)

⁹ Исключая ситуации профессионального взаимодействия, которые не учитывались в рамках данного исследования

Кроме того, некоторые пользователи мобильных телефонов считают, что SMS является более приемлемой формой коммуникации, чем просто звонок, когда хочешь подчеркнуть свое внимательно-вежливое отношение к приватности абонента:

«Вопрос: А SMS пользуешься?»

Ответ: *Да. Мне очень нравится, что есть SMS, потому что я действительно не люблю звонить по телефону, а здесь есть возможность писать. Потому что, если ты звонишь, ты вторгаешься. Ты не знаешь, что человек делает, чем он занят. Ну, конечно, ничего страшного: или он не ответит, или попросит перезвонить. Но все равно неприятно. Ты своим звонком вторгаешься. А SMS-кой... она пришла и пришла. Когда захочет, он ее прочтет и ответит. Мне так комфортней, написать и ждать ответа, захочет, ответит»,* (случай 3 - жен., 28 лет - переводчик)

Или другой нарратив:

«SMS-ка хороша тем, что человек ею не захватывается врасплох. Ты можешь позвонить человеку, а он не готов отвечать тебе прямо сейчас. А так он может в спокойной обстановке, когда у него появляется минутка свободная, ответить. Если дело не очень срочное, то это очень хороший способ», (случай 5 - муж., 29 лет, программист)

Однако, по материалам дневников, подавляющее большинство информантов (за исключением случаев 5 и 10) предпочитают звонить по мобильному телефону, чем писать SMS.

Все информанты, участвовавшие в исследовании, не видят для себя возможности отказаться от пользования ИКТ в целом и в частности от услуг мобильной телефонии. Она стала неотъемлемой частью повседневности. Отсутствие мобильного телефона воспринимается болезненно:

«Я вообще сейчас не могу себя представить без сотового телефона. И дело даже не в том, что меня кто-то не может найти, а в том, что когда я без него нахожусь, я чувствую себя потерянным. Ну, просто то, что я без связи и мало ли кому я понадобится срочно по работе или не по работе -мама, например, позвонит. У меня были такие моменты, когда я оставался без телефона. Терял там. Когда телефон у меня пропал. И я две недели находился без сотового телефона. Я просто себя чувствовал потерянным. Просто я не знал, как мне делать, что мне делать?» (случай 7 - муж., 28 лет, юрист)

То есть информант с утратой мобильного телефона теряет ощущение уверенности в своей включенности в привычные формы социального взаимодействия: *«Я просто себя чувствовал потерянным».* Он попал в ловушку собственной зависимости от сетей мобильной коммуникации. Другие люди не могли предположить для себя возможность связываться с ним как-то иначе, а у, некоторых просто не было других контактов, кроме номера его мобильного телефона. Целые сегменты сети на время пропали из его жизни.

Другой особенностью мобильного телефона можно считать то, что он не только способ передачи информации, но и средство для ее хранения.

«Номера телефонов я раньше хранил только в мобильном. Но один раз я из-за этого пострадал. Это из-за того, что записная книжка не в телефоне, а на SIM-карте. SIM-карта петербургского GSM «Мегафон» в Волгограде работать отказалась. Доступа к ней не стало. Я понял, как это в фантастических фильмах бывает, когда у человека забирают идентичность просто меняя его ID. То есть я попал в ту же ловушку. Я имею фильмы, когда личность человека можно украсть, украв его идентификационные данные. Это фильмы, которые говорят, почему будущее технологическое плохо. Когда человек не может попасть на свое место работы, не может снять деньги со своей карточки. Я понял, почему это плохо на практическом уровне, потому что, если бы я записал телефоны в записную книжку, у меня бы их никто не отнял. То есть сказать, что записная книжка отказалась работать - это фантастика, но... я понял. Я приехал в Волгоград и не помню не одного питерского номера. Сото-

вые номера, они же длинные, и я их не помню. Теперь я все телефоны, если они мне нужны, переношу на бумажный носитель», (случай 10 - муж., 24 года, аспирант)

То есть зависимость от мобильного телефона связана также с его ролью «материального воплощения социальной сети» в виде записной книжки с наиболее востребованной информацией.

«Номера мобильных телефонов длинные, и я не знаю телефонов питерских своих друзей. То есть, если меня арестовать или я попаду в больницу, и меня спросят, куда позвонить, куда сообщить, то... сотовый телефон жены я вспомню, потому что из Англии я ей отправлял 8М8 через интернет, набирая там номер постоянно. А так, то есть я ... и в этом я вижу отрицательную вещь, что я часть важной информации доверяю ненадежному носителю», (случай 10 - муж., 24 года, аспирант)

Можно предположить, что такого рода зависимость вызвана особой ролью, которую стал играть мобильный телефон в молодежных сетях. Он стал почти обязательным атрибутом для самых разнообразных групп петербургской молодежи. Он символизирует собой современность, свободу и мобильность.

«Мобильный - это современно. Я сторонник технического прогресса. А еще я просто поняла, что это просто очень удобно. <... > Ну, в таком смысле, что если я договариваюсь созвониться с человеком, я не должна сидеть и ждать звонка. Я могу идти куда хочу. Я могу сказать просто: позвони мне! И я уверена, что он мне дозвонится, где бы я не была. Ну, практически везде. Потому что в метро не везде есть связь. Ну, я там еду не больше минут двадцати и, когда я выйду, он мне дозвонится. Он услышит, что я вышла и мне перезвонит. Это чрезвычайно удобно. «Ты позвони мне». И сиди у телефона жди? Это же связывает свободу», (случай 3 - жен., 28 лет, переводчик)

При этом важно, что, например, из семи информанток, участвовавших в исследовании, шесть получили мобильный телефон в подарок от своих мужей или бойфрендов. То есть, возможно, новая свобода и мобильность, - наоборот, связана с возрастающим контролем и властью над пользователем. Пользователь мобильного телефона доступен для контакта в любой момент и практически в любом месте, но считает эту доступность для внешнего контроля новой формой свободы¹⁰.

Отвечая на вопросы, поставленные в исследовании, можно предположить, что использование новых ИК-технологий (в частности мобильного телефона) изменяет формы и стили коммуникации («молодежи») Петербурга. Оно оказывает воздействие на сам характер этих взаимодействий, поскольку использование ИКТ наносит все более значительный «ущерб» «традиционным» формам коммуникации, как дистанционным - бумажной почте и телеграфу, так и непосредственно общению «лицом к лицу», которое может быть прервано в любой момент звонком мобильного телефона.

ИКТ трансформируют структуру коммуникации. Альтерны одной сети становятся более доступны, плотность общения возрастает, облегчается возможность поддержки территориально удаленных фрагментов социальной сети (для вовлеченных в ИКТ тотально теряет значение использование традиционных каналов коммуникации на расстоянии, таких как традиционная почта или телеграф).

И: А бумажные письма пишешь?

Р: *Да. Но сейчас чего-то перестала писать. Раньше маме писала. Ну, теперь проще 8М8 послать или позвонить.* (случай 12 - жен., 20 лет, студентка)

Когда появляется возможность обсуждать детали ремонта с друзьями из Израиля, путем SMS-переписки, находясь в автомобильной пробке в Петербурге, изменяется отношение к расстояниям (случай 2).

Кроме того изменения претерпевает и стиль коммуникации. Например, стиль разговора по стационарному телефону:

Р: *Но в среднем где-то, я думаю, секунд 10. (трачу на разговор по мобильному телефону - Б.Г.)*

³ Недоступность становится редкой в нашей удивительной, подключенной ко всему, к чему только возможно, новой реальности (Эриксен, 2003:195).

И: А как ты умудряешься контролировать время?

Р: Навык. Но это буквально в теле какие-то у меня чувства. То есть я эти 5 секунд и минуту я отслеживаю. То есть из-за этого вырабатывается определенная структура разговора по сотовому, которую я переносу теперь и в разговоры по обычному телефону, (случай 10 - муж., 24 года, аспирант)

По результатам проведенного исследования, можно сделать вывод, что возможности мобильной телефонии изменяют структуру повседневности путем реорганизации времени и пространства. Планы, последовательность договоренностей могут создаваться и корректироваться в текущем порядке, что в значительной степени облегчает координацию совместных действий.

Коммуникация стала проще. Но это, возможно, в некоторой степени девальвировало ценность коммуникации. Чтобы

связаться с альтером сети не нужно держать в голове его расписание дня и думать о его местоположении, достаточно нажать две кнопки на панели мобильного телефона. Подобная простота изменила характер повседневных взаимодействий в сети. В заключении уместно вспомнить замечание итальянского философа Джанни Ваттимо, который писал, что технология, которая господствует в мире нашего обитания и его формирует, характеризуется в первую очередь системами сбора и передачи информации (Ваттимо, 2003: 23), которыми собственно и являются информационно-коммуникационные технологии. Соответственно, дальнейшее изучение ИКТ может открыть новые горизонты для социологического знания.

Литература

1. Алексеева И.Ю. (1998). Возникновение идеологии информационного общества, в: <http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>
2. Бауман З. (2002). Индивидуализированное общество. Москва: Логос.
3. Бек У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция.
4. Бек У. (2001). Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию. Москва: Прогресс-Традиция.
5. Белл Д. (1986). Социальные рамки информационного общества в: Новая технократическая волна на Западе. Москва: Политическая литература.
6. Белинская Е.П. (2002). Человек в информационном мире, в: Перспективы социальной психологии. Москва: Аспект-пресс, 24-29.
7. Бергельсон М. (1999). Языковые аспекты виртуальной коммуникации, в: <http://www.rik.ru/vculture/seminar/index.html> 05.12.1999
8. Брюквин Ю. (2004). Чудеса на виражах: «Мегафон» лидирует, но проигрывает, в: Дело. 7.06.2004.
9. Ваттимо Дж. (2003). Прозрачное общество. Москва: Логос.
10. Вирлио П. (2002). Информационная бомба. Стратегия обмана. Москва: Гнозис.
11. Волков В. (1997). О концепции социальных практик(и) в социальных науках, в: Социологические исследования 6: 9-24.
12. Войскунский А.Е. (2003). Развитие речевого общения как результат применения интернета, в: <http://psynet.by.ru/texts/voysk6.htm> 02.02.2003.
13. Голофаст В. (2002). Электронная среда или новые пещерные люди, в: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев 2:13-17.
14. Девятко И. (2003). Социологические теории деятельности и практической рациональности. Москва: Аванти плюс.
15. Долин Г. (2004а). В России - 40 мил. абонентов сотовой связи. Сотовик. в: http://www.sotovik.ru/analyt/russia/russia_104.html от 15.03.04
16. Долин Г. (2004б). Обзор рынка конечных пользователей Интернет в РФ. Часть 1. Сотовик. в: http://www.sotovik.ru/analyt/russia/russia_91.html
17. Иванов Д.В. (2000). Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение.
18. Иванов Д.В. (2002). Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
19. Иноземцев В.Л. (1998). За пределами экономического общества. Москва: Academia - Наука.
20. Иноземцев В.Л. (1999). Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. Москва: Academia - Наука.
21. Иноземцев. (2000). Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Москва: Логос.
22. Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ВШЭ.
23. Козловски П. (1997). Культура постмодерна. Москва: Республика.
24. Красовский Б. (2000). Разговор по телефону. Социологические исследования 2:110-114.
25. Луман Н. (1998). Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество, в Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. Москва: Интеллект, 94-109.
26. Мюнх Р. (1998). Дialeктика и динамика развития глобального информационного общества, в Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. Москва: Интеллект: 18-33.
27. Николаева Е.В., Николаева Т.Н. (2004). Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной субкультуре. Этножурнал: 9 (март), в: <http://www.ethnonet.ru/lib/0304-01.html>
28. Семенова В.В. (1998). Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. Москва: Добросвет.
29. Соколова И.В. (1999а). Социальная информатика и социология: проблемы и перспективы взаимосвязи, <http://infosphere.narod.ru/files/topografy/sokolova/vveden.html>
30. Соколова И.В. (1999б). Структуры и функции социологии информатизации как новой специальной социологической теории. Информационное общество 5: 30-33.
31. Тоффлер Э. (1999). Третья волна. Москва: АСТ.
32. Турен А. (1986). От обмена к коммуникации: рождение программированного общества, в: Новая технократическая волна на Западе. Москва: 410-431.
33. Фукс-Хайнрих В. (1994). Биографический метод, в: Мещеркина Е., Семенова В. (ред.) Биографический метод в социологии: история, методология, практика. Москва: ИС РАН: 11-41.
34. Фукуяма Ф. (2003). Великий разрыв. М.: АСТ.
35. Чугунов А.В. (2000а). Социологические аспекты формирования информационного общества в России: Обзор исследований аудитории Интернета/ Междисциплинарный центр СПбГУ. СПб.
36. Чугунов А.В. (2000б). Теоретические основания концепции «Информационного общества». СПб.: СПбГУ.
37. Чугунов А.В. (2002). Перспективы развития в России «информационного общества»: социальный портрет российской интернет аудитории по данным социологических опросов. Политические исследования 5: 34-56.
38. Эриксен Т. Х. (2003). Тирания момента. Время в эпоху информации. Москва: Весь Мир.
39. Bell D. (1980). The Social Framework of the Information Society. Oxford.
40. Masuda Y. (1981). The Information Society as Post-Industrial Society. Wash.
41. McLuhan M., Fiore Q. (1968). War and Peace in the Global Village. N.Y.

Новые коммуникационные технологии: игры контроля

Б.С. Гладарев¹

Технологическая революция, произошедшая в средствах коммуникации в середине 1980-х годов, постепенно становится одним из важнейших факторов общественного развития. Расширение возможностей для коммуникации посредством эффективных, недорогих и мобильных средств связи создает предпосылки для новой организации общества. По мере расширения сети пользователей интернета и мобильной телефонии, целые сферы человеческой деятельности стремительно переносятся в поле дистанционной коммуникации [10, с. 132]. Изменяется привычный порядок взаимодействия, как на уровне институтов, так и на уровне индивидов, участвующих в интеракциях. Трансформируются «основы и категории, в рамках которых мы до сих пор мыслили и действовали, — пространство и время, труд и досуг, предприятие и национальное государство» [1, с. 25]. Как любая революция, революция в сфере коммуникаций, вызывает «культурную травму», быстро вытесняя привычные формы работы, общения, образования, развлечений, властных диспозиций и замещая их новыми [10, с. 141].

В данной статье исследуется значение, которое информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), приобрели в практиках институционального и индивидуального контроля в современном российском обществе. В качестве эмпирической базы использовались материалы полевого исследования, которое проводилось совместно с Маркку Лонкила (университет Хельсинки) в Петербурге в 2002–04 гг.² Анализ строится на теориях социологии практик, сформулированных в работах Мишеля Фуко [13–15; 19–21] и Мишеля де Серто [18].

Используя фукольтианскую модель можно сказать, что в настоящее время ИКТ становится инструментом микрофизической власти, лишенной координирующего центра и опирающейся на индивидуальные стратегии, которые часто перевоплощаются в тактики повседневного взаимодействия. Можно констатировать, что вопреки рекламным слоганам о свободе и независимости, которую дарит, например, мобильный телефон, социальный контроль для пользователей мобильной телефонии сохраняется и даже усиливается. Персонализация электронной почты и мобильного телефона содействует одновременно и росту персонального контроля со стороны «господствующих», и развитию стратегий уклонения, основанного на всевозможных языковых играх, со стороны «подчиненных». Диффузная, растворенная в социуме власть по Фуко, дополненная субъективирующими тактиками де Серто, адекватнее всего, на мой взгляд, описывает роль информационно-коммуникационных технологий в системе институционального и индивидуального контроля современных обществ.

Информационное общество, где коммуникации (дороги, транспорт, почта и т.д.) приобретают первостепенную важность, создает новые инфраструктурные основания для социальных конфликтов [11]. В настоящее время власть и доминирование определяются большим набором факторов, не все из которых напрямую связаны с экономикой. Очевидно, что неравный доступ к ИКТ создает условия для доминирования социальной страты, имеющий самый широкий доступ, а скорость доступа к информации является важнейшим параметром социального капитала [5, с. 12]. Следовательно, возможность оперативно

---

¹ Гладарев Борис Сергеевич — сотрудник Центра независимых социологических исследований, аспирант Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Электронная почта: boris@indepsores.spb.ru

² Исследование было поддержано компаниями Telenor (Норвегия) и France Télécome (Франция); подробное описание методологии и эмпирических данных см. [7].

получать и сообщать информацию стала новым стратифицирующим фактором. Во времена индустриально-промышленного капитализма Маркса скорости передачи информации еще не придавали такого определяющего значения. Сегодня, в эпоху глобализации, скорость и надежность передачи информации стали ресурсом господства. Это новая форма господства заключается не в обладании, а в способности контролировать «области неопределенности» [25]. Для разных социальных акторов пространства неопределенности имеют разные масштабы и формы. Например, для государства – это, в первую очередь, его суверенность, которая традиционно связывается с территориальными границами. Территориальность, — отмечает И.Ф. Девятко, — в социологической традиции рассматривалась в качестве фундаментальной характеристики социальных взаимодействий. Чтобы применить власть против актора, необходимо «добраться до него» в том месте, где он есть или хотел бы быть [9, с. 28–29]. Сейчас территориальная организация власти значительно подорвана новыми технологиями, в особенности мобильной телефонией. Организация (например, коммерческая фирма), стремясь распространить свое господство на территорию своей экономической активности и пространство организационной структуры, сталкивается с разнообразными тактиками уклонения и даже сопротивления, как конкурирующих фирм, так и собственных сотрудников.

Стратегии многих ущемленных групп в современных обществах тесно связаны с использованием ИКТ. Чеченское сопротивление активно использует ресурсы интернета для коммуникации со всеми агентами, заинтересованными в их точке зрения. Антиглобалистские демонстрации организуются через SMS-рассылки. Мобильный телефон используется для оперативной организации забастовок на итальянских предприятиях [24].

Таким образом, можно сказать, что ИКТ становятся оружием новых социальных конфликтов. Если еще недавно, в середине XX века, эффективные системы связи были доступны только государственным или крупным капиталистическим институтам, то теперь они распространяются все шире, в том числе среди дискриминируемых групп. Доминирующие группы также стремятся использовать ресурсы ИКТ для сохранения своих позиций, например, используя мобильные телефоны для контроля, а электронную почту — для рекламы, стараясь контролировать производство и потребление.

Самый важный аспект развития ИКТ — политический. Информация — это власть. Доступ к информации есть во многом условие свободы. Из этого прямо вытекают проблемы законодательного характера. Компьютерная отрасль пока в незначительной степени подлежит государственному регулированию и развивается в условиях свободного рынка [3, с. 139]. То же касается и отрасли мобильной телефонии. Открытие доступа к информации (согласно Д. Беллу — к власти) для широких масс, имеющих дефицит капиталов, порождает коррозию в стратификационной структуре и размывает дисциплинарную систему.

Общедоступность информации в сочетании с возможностью ее почти мгновенной передачи, подрывает устойчивую и самовоспроизводящуюся социальную систему. Контроль теперь доступен не только обладающим большими капиталами элитам, но, в той или иной степени, всем пользователям ИКТ.

ИКТ как инструмент государственного контроля и тактики сопротивления

Несмотря на то, что ИКТ дают свободу доступа к информационно-коммуникационным ресурсам, тем самым размывая властное поле, российское государство старается ограничить процесс «диффузии» власти, пытаясь контролировать информационные потоки³. «У центров

---

³ Как отмечал Фуко, государство — это нечто такое, что существует для самого себя, а индивид с точки зрения государства существует лишь постольку, поскольку он способен внести некое изменение, пускай ничтожное, в мощь государства, будь то в положительном или отрицательном направлении [13, с. 367, 369].

власти появляется заинтересованность в осуществлении контроля не столько за самой информацией, сколько за путями ее поиска и получения» [2, с. 75].

Данные проведенного исследования показывают, что многие пользователи ИКТ осознают этот контроль и говорят, например, об опасности конфиденциального использования электронной почты, поскольку она «прозрачна» и выборочно проверяется в соответствии с Системой Оперативно-Розыскных Мероприятий (СОРМ). Например, 24-летний аспирант одного из петербургских вузов, говорит:

«Есть программа, обязывающая всех провайдеров и всех операторов сотовой связи предоставлять оборудование соответствующим органам для прослушивания и просмотра контента. Там это случайным образом просматривается, но вот те товарищи, которые это... То есть, там же глупые машины сидят, я имею ввиду выбирают почту. Поскольку я считаю себя человеком политически активным, я предпочитаю, скажем, в e-mail'e не обсуждать с моим другом, допустим, текущую политическую ситуацию. И я знаю, что в нынешних сложившихся условиях, если по электронной почте с западным товарищем начать обсуждать свое отношение к Владимиру Владимировичу, то это не всегда хорошо».

Для политических дискуссий он использует электронный ящик, зарегистрированный на международном портале, считая, что его трафик программа СОРМ не просматривает:

«Для меня каждый ящик (у информанта их три – Б.Г.) ... отношение к каждому ящику и его использование во много диктуется тем, что я знаю, что на самом деле меня будет в сети видно. <...> Бесплатный русский ящик у меня для рассылок. Там адреса продаются, и много спама приходит. Мое частное место — это мой университетский ящик. А английский это для... то есть для тем, которые, я считаю, могут заинтересовать соответствующие органы, и которые я обсуждаю с западными коллегами».

Такое же подозрительное отношение у некоторых людей вызывает передача конфиденциальной информации посредством мобильного телефона. При необходимости ее разным образом кодируют. Например, одна из информанток, рассказала, что когда они с друзьями курили марихуану, а один из участников вечеринки, решил выйти прогуляться, забыв выложить наркотическое средство из кармана куртки. Встревоженные друзья стали слать ему SMS-сообщения: «Петя, будь осторожен, ты забыл выложить из кармана воблу». Но в данном случае код был прочитан не правильно, что ясно из ответного SMS: «Миша! Какая вобла?! Ложись спать».

В этой связи интересно замечание Поля Вирилио, который писал, что мобильный телефон представляется одним из технических изобретений, способствующих как присущей метрополии властной концентрации, так и разбросу основных социально опасных явлений: полицейские Лос-Анджелеса оказались беспомощными перед произвольно назначаемыми встречами, пользующихся портативными телефонами, дилеров запрещенных наркотических средств и их покупателей, появляющихся то здесь, то там, неизвестно где, всегда где-то в другом месте [5, с. 17].

С 1998 года ни один провайдер или оператор сотовой связи⁴ не может получить лицензию на деятельность по предоставлению интернет-услуг или услуг мобильной связи без подписания договора о сотрудничестве с ФСБ⁵. То есть государство, как субъект власти, пытается ограничить возможности индивидов присваивать часть новых ресурсов

---

⁴ После июльского террористического акта в подмосковном Тушино все мобильные телефоны в Москве и Московской области прослушивались ФСБ, о чем было официально объявлено (см., напр.: Спецслужбы начали прослушивание мобильных телефонов // <http://www.vesti.ru/news.html?id=36054&tid=16329>; 09.07.2003. 18:15.)

⁵ Подробнее о СОРМ и отношении российского общественного мнения к ней см.: <http://www.hro.org/editions/privacy/> и <http://www.libertarium.ru/libertarium/sorm/>

информационного поля. Однако пользователи ИКТ всячески ускользают от подобного контроля с помощью разного рода кодирования и трудно контролируемых способов передачи информации. Борьба за приватность и надежность информации в поле ИКТ отражает значение, которое придают агенты возможности распространять информацию дистанционно. Никакие СОРМ и СОРМ-2 не способны в настоящее время тотально контролировать потоки информации, осуществляемые через новые ИКТ. Такое положение является залогом демократического развития общества и оставляет возможности для выражения суждений, отличных от суждений господствующей элиты. Ресурсы ИКТ активно используются, например, чеченским сопротивлением⁶. Также показательно, что одной из первых социальных групп в России, представители которой стали активно применять мобильную телефонию, стали люди, которые потом были определены как «силовые предприниматели», на некоторое время узурпировавшие власть «перестраивающегося общества» [6].

Однако следует подчеркнуть, что антидисциплинарные тактики редко связаны со стратегическим сопротивлением, подобно чеченскому, скорее они растворены в повседневных взаимодействиях, не имеющих целью противостоять власти, а демонстрирующих скорее тактики «избегания контроля». Это стихийные действия, мелкие уловки, тем не менее, способны влиять на структурное пространство государственного контроля. Показателен пример с пожаром в петербургском метро в декабре 2003 года, когда автор стал свидетелем легкой паники пассажиров, выразившейся в многочисленных звонках по мобильным телефонам. Уже через десять минут, садясь в маршрутку, я слышал, как одна из музыкальных радиостанций передавала информацию о происшествии. В вечерних новостях петербургского телевизионного канала городские чиновники информировали население о «технических неполадках и задымлении». Возможно они не почувствовали бы необходимости делать подобные заявления, особенно накануне губернаторских выборов, если бы их контроль за информационными потоками был полнее.

Другой важный момент дисциплинирования связан не с информационной, а пространственной инфраструктурой. Строя фабрики, исправительно-трудовые лагеря, здания оперы, школы или психиатрические учреждения и, организуя конгрессы или демонстрации, социальные системы с довольно устойчивыми и аккуратно определенными границами создают дисциплинарное пространство, то есть наиболее объективное и инвариантное измерение, доступное в физическом мире. Согласно М. Фуко [20] соотношение между архитектурой и социальными институтами — первичное основание социальной власти, потому что, строя здания и разрабатывая технологии физического пространства, элиты имеют мощные дисциплинарные средства для внедрения своих ценностей и норм.

Появление и массовое распространение мобильных средств коммуникации разрушает архитектурно-пространственное доминирование общественного порядка. Материалы исследования демонстрируют, что пользование мобильным телефоном является антидисциплинарной тактикой в условиях сдачи экзамена (когда правильные ответы передаются с помощью SMS коммуникации), в ситуациях прохождения бюрократических барьеров (для форсирования очередей) и даже при арестах милиции для мобилизации поддержки со стороны социальной сети задержанного.

Еще один аспект современного дисциплинарного порядка опирается на культурный конструкт линейного времени, воспроизводящегося в расписаниях, бюджетах времени и императиве успешности. Питер Хёг в своем романе «Условно пригодные» подчеркивал, что измерение линейного времени начинает развиваться в Европе всего лишь 300 лет назад. Его доминирование в качестве дисциплины появляется в тот момент, когда общество начинает изменяться так быстро, что уже более нельзя узнать каждый новый день, поскольку он теперь сильно отличается от предыдущего. Линейное измерение времени возникает вместе с

---

⁶ См., например: http://www.chechen.org/modules.php?name=Web_Links

усложнением устройства общества, оно появляется вместе с развитием коммуникаций, почты, денежной системы, торговли, с возникновением железных дорог [16, с. 265]. Единая система отсчета времени вводилась государством как еще один инструмент стандартизации, на манер Палаты мер и весов⁷. Питер Хёг, развивая идеи Фуко, пишет о линейном времени, как о тотальной дисциплине, которая постепенно формировалась в недрах европейской культуры.

Сегодня уже вошло в привычку планировать, что и когда будет сделано. Мы заранее знаем, когда то-то и то-то нужно сделать обязательно, когда и куда нужно будет поехать и когда мы будем «по-настоящему свободны». «Поэтому планирование стало играть ключевую роль как в организации личной жизни, так и в управлении коллективными формами поведения; например, чтобы заранее подготовиться к приему гостей, нужно знать, что в 7 вечера в дверь позвонят 7 человек. Правда, планирование иногда вызывает неудобства, даже если вы сами назначаете время; разочарования неизбежны, когда приходится опаздывать из-за того, что попали в пробку, или из-за других непредвиденных обстоятельств» [22].

В традиционных технологических условиях планирование неизбежно из-за отсутствия средств связи, которые бы позволяли оперативно координировать действия во времени и пространстве. Появление таких технических средств, как мобильные телефоны, избавляет от необходимости заранее точно устанавливать место и время встречи, поскольку оперативно можно внести уточнения и/или изменения.

Неслучайно данные проведенного исследования показывают, что одна из основных функций мобильного телефона — это координация. Как выразилась в интервью одна из информанток:

«Координация. Я думаю, да, это наиболее важная функция. Потому что мы звоним, или я звоню мужу, и договариваемся, где мы встречаемся в течение дня. Скажем, если мы не можем договориться об этом утром. А такое случается довольно часто, мы в разное время уходим на учебу, или на работу, и так получается, что утром мы не общаемся практически. То есть, например, я ухожу, он еще спит, или он уходит, я еще сплю. Такое бывает довольно часто, и поэтому вот уже первый наш контакт в течение дня это, как правило, по телефону, по мобильному» (жен., 23 года, переводчик).

Собранные в ходе исследования данные (таблица) показывают⁸, что мобильный телефон в основном применяется для координации совместных действий и соотнесения себя во

---

⁷ В 1873 г., когда Сэндфорд Флеминг из компании «Канадские железные дороги» на международной конференции предложил «универсальное мировое время» для всего земного шара, в Америке существовало 75 местных стандартов времени. В 1893 году американский вариант инициативы Флеминга стал законом в Германии, а в начале нового столетия вся Европа присоединилась к гринвичскому времени [16, с. 288].

⁸ В исследовании применялось несколько методов сбора полевого материала. Дизайн исследования можно охарактеризовать как множественное кейс-стади. Каждое кейс-стади включало в себя слабоструктурированное интервью, спровоцированный дневник недельной коммуникации и лейтмотивное интервью по материалам заполненного дневника и записной книжки мобильного телефона. Первое слабоструктурированное интервью было сфокусировано на практиках пользования ИКТ и роли средств дистанционной коммуникации в повседневной жизни и общении информанта. После интервью информант получал формы дневника и подробные инструкции по его заполнению. Форма дневника представляла собой таблицы, в которых информант должен был в течение недели фиксировать все значимые контакты, отмечать время, продолжительность, место и содержание контакта. Альтеры, то есть те, с кем происходил контакт, обозначались при помощи псевдонимов, выбранных информантом, а форма контакта: посредством разных технических средств или непосредственно лицом к лицу, обозначалась в предложенной исследователем системе кодировок. В ходе проекта было собрано 28 интервью (по два

времени и пространстве с другими членами социальной сети. Длительных разговоров по нему не ведут — средняя продолжительность чуть больше одной минуты. Основные темы: выяснить кто где находится, когда можно встретиться, что нужно купить. Для разговоров, которые требуют большей продолжительности, используют стационарный телефон.

Значительную часть (22 %) составляют так называемые «ухаживающие звонки». Они представляют собой очень интересный феномен сообщений не несущих прямой фактологической информации, а направленных на поддержку эмоциональной связи между звонящим и абонентом. До распространения такого ИКТ как мобильный телефон люди не имели возможности в любом месте и в любое время подчеркивать свою эмоциональную связь с дистанционно удаленными «значимыми друзьями». Материалы исследования показывают, что сейчас «ухаживающие звонки» стали повседневной практикой подавляющего числа пользователей мобильной телефонии. Бессмысленные на первый взгляд обращения «Где ты?» или «Все у тебя хорошо?» подчеркивают эмоциональную вовлеченность в отношения и постепенно становятся нормой взаимодействия.

Таблица

*Функции разговоров по мобильному телефону
(по данным 14 дневников, заполнявшихся в течение 7 дней), %*

Функции	Количество контактов (N=214)
координация	56,5
«ухаживающие звонки»	22,0
помощь и консультации	9,8
деловые	7,4
сложные случаи	4,2

Очень часто функцию «ухаживающих звонков» принимают на себя SMS-сообщения. SMS являются третьей по популярности формой ИКТ, которую используют 20–30 летние жители Петербурга, которая уступает только разговорам по мобильному и стационарному телефонам.

С помощью маленьких аппаратов, которые почти всегда носят с собой, пользователи ИКТ постоянно в состоянии перепланировать расписание встреч и прочих повседневных дел и договоренностей. Так появляется новая, более гибкая культура неформального социального взаимодействия, которая больше зависит не от ранее скоординированных соглашений, а от текущей моментальной координации, которая позволяет людям приспосабливаться к непредсказуемым краткосрочным изменениям в обстоятельствах и/или в субъективных предпочтениях и капризах⁹.

Постоянное перепланирование становится привычной тканью повседневного взаимодействия, которое все больше превращается из взаимодействия в координацию, то есть в процесс перманентного сопоставления своего повседневного порядка с порядками других членов социальной сети. Использование мобильного телефона преобразует систему связей внутри социальной общности, переводит ее из режима жесткого планирования в режим мягкой, гибкой, динамической координации. «Былая размеренность минут, часов, дней и недель сливается в непрерывный поток переговоров, согласований и перепланировок. В любое время в ваш распорядок могут вторгнуться друзья и коллеги, а вы можете вторгнуться в их распорядок» [26].

интервью от каждого информанта) и 14 дневников. Они составили два массива данных: лейтмотивные интервью и дневники повседневной коммуникации.

⁹ Томас Эриксен отмечает, что, если мы приспосабливаемся к постоянному перепланированию в одной сфере жизни, потребность в нем возникает и в других сферах [17, с. 91].

К схожей мысли приходит в своем эссе Валерий Голофаст: «владельцы мобильных телефонов образуют то, что можно назвать неопределенной совокупностью «плавающих сетей». Они плавающие потому, что ни место, ни время, ни функциональный профиль взаимодействия, ни состав их участников заранее не обусловлены» [8, с. 13].

Таким образом, можно видеть, что попытки государственного контроля информационных потоков, пространственная дисциплина, а также предписанный временной режим, ограничиваются творчески-инновационными тактиками дисциплинарного сопротивления, которые изобретаются пользователями ИКТ.

Информационно-коммуникационные технологии и контроль на мезо-уровне организаций

Помимо государства, первыми, кто оценил властные возможности ИКТ были бизнес-структуры. Используя новые технологии они значительно повысили качество взаимодействия головного и периферийных офисов, а также расширили область контроля над сотрудниками, в специфику работы которых входило частое перемещение в пространстве. С одной стороны, это серьезно сократило бюрократические издержки и повысило эффективность, но, с другой — вызвало к жизни стихийные процессы дезинтеграции и уклонения сотрудников от их непосредственных обязанностей¹⁰.

Иерархия статусов внутри организаций стала нарушаться благодаря возможности горизонтальных контактов через ИКТ. Периферийные офисы начинают вести дела между собой, игнорируя центральный офис. Поскольку участникам стало легче договориться о том, как обходить предписанные правила, тайные горизонтальные обмены могут способствовать автономизации структурных единиц и устойчивых сетевых образований, развитию неформальных взаимодействий, потому что участники могут легко соглашаться обходить некоторые предписанные правила [23].

В исследовании есть несколько показательных примеров подобного поведения. Консультант в юридической фирме в процессе заполнения дневника повседневной коммуникации, где в рамках исследования отмечал все свои повседневные контакты, решил сменить место работы. Значительную часть своего рабочего времени он тратил на рассылку своего резюме потенциальным работодателям и переписку с ними, для чего пользовался как электронной почтой, так и факсом. Таким образом, он не только использовал рабочее время в личных целях, но также эксплуатировал инфраструктуру фирмы для реализации своих частных планов. Другим примером может служить случай программиста, который, используя высокий статус своей организации, а также ее информационные базы данных, прямо на рабочем месте находил себе частные заказы на разработку сайтов, создавая, таким образом, себе возможности для дополнительного заработка. Одна из информанток, работающая дизайнером на производстве кожаных сумок, часто использовала мобильный телефон (выданный ей администрацией) для уклонения от своих профессиональных обязанностей. Поскольку закроечный цех, цех кожгалантереи и офис из которого осуществляется руководство находятся в разных зданиях на арендуемой площади огромного завода, она всегда имела возможность находиться где-то между корпусами, проводя время в перекурах и разговорах с подругами. Компьютерный дизайнер одной из крупных кинокомпаний Петербурга рассказывал, что в ситуациях затрудненного проведения того или иного творческого решения через цензуру начальства, он включается в переговоры на

---

¹⁰ «Уверенность в том, что служащий всегда находится в пределах досягаемости — почти обязательная часть современной организационной культуры. Абсолютная досягаемость заразительна. Если один встает на этот путь (будь то фирма или отдельный человек), другие вынуждены последовать его примеру, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе. Я как-то услышал о мужчине, игравшем в футбол в парке со своим пяти-шестилетним сыном. За те полчаса, что они гоняли мяч, он не разу не отнял от уха мобильный телефон» [17, с. 155].

горизонтальном уровне дизайнерского коллектива посредством ICQ молча и оперативно лоббирует, кажущееся ему правильным решение.

Таким образом, электронная почта, SMS и звонки по мобильному телефону развивают отдельные двусторонние отношения, что может иметь дезинтегрирующие последствия для организаций, особенно когда взаимные двухсторонние коммуникации принципиально не подлежат наблюдению со стороны третьих лиц. Следуя терминологии Барри Велмана, можно сказать, что мобильный телефон и прочие ИКТ:

1) ослабляют «сообщества», т.е. строго ограниченные надындивидуальные общности «своих», состоящие из многих равных между собой индивидов и оказывающие на их мышление и поведение казуальное воздействие

2) усиливают «сети», т.е. децентрализованные социальные поля, которые каждый индивид выстраивает в соответствии со личными возможностями и потребностями в ходе постоянных межличностных взаимодействий и переговоров [27].

Полевые данные показывают, что на многих рабочих местах, пользователи персональных компьютеров имеют возможность свободно переключаться между частным и профессиональным его использованием в любой момент времени. Многие офисы уже ввели контроль над интернет-трафиком. Мне известен пример, когда руководитель филиала одной из «российских естественных энергетических монополий» на планерке в конце недели публично зачитывает направления трафика сотрудников начальникам отделов, после чего следуют административные выводы, вплоть до отключения доступа к интернету.

Мобильную телефонию контролировать дороже и сложнее. Самой простой мерой можно считать подключение всех сотрудников на корпоративный тариф, что обеспечивает директорат информацией о ежемесячном объеме переговоров каждого сотрудника. Однако это не меняет ситуацию, поскольку каждый волен иметь сколь угодно большое количество мобильных телефонов. Служащие используют электронную почту и мобильные телефоны для тактического захвата оплачиваемого рабочего времени. Даже когда организация старается контролировать время и направление разговоров своих сотрудников посредством подключения на корпоративный тариф, она не может эффективно отслеживать режим их пространственного перемещения. Эмпирические данные демонстрируют, что служащие регулярно прибегают к уловкам связанным с собственным пространственным местонахождением. Один из информантов с помощью мобильного телефона два дня инсценировал, что якобы находится в командировке и ведет переговоры с клиентом; переговоры фактически заняли всего 20 минут, и двое суток он проводил время на даче с друзьями и получал командировочные.

При таких обстоятельствах, установленный централизованный контроль относительно временного и пространственного режима труда более труден для капитала.

Таким образом, можно сказать, что под воздействием ИКТ разрушаются дисциплинарные оппозиции дом/рабочее место, свободное/рабочее время. Собственно, можно предположить, что в некоторых областях экономики происходит возвращение к средневековым образцам, когда подобного разделения практически не было.

Информационно-коммуникационные технологии и контроль на уровне индивидуального взаимодействия

В то время как дисциплинарный контроль институтов все более разрушается антидисциплинарными тактиками, ИКТ приводят к усилению и расширению контроля на уровне индивидуальных взаимодействий. Во все большем количестве взаимодействий по поводу контроля над поведением другого приходится исходить из того, что требование контроля идет прямо от персонализированного субъекта, а не от некоего обобщенного агента, типа государства или фирмы. Соответственно, и тактики сопротивления претерпевают изменение — это не столько защита от надзора со стороны института (вернее, человека, чьи действия рассматриваются как действия института), сколько от надзора со

стороны человека, который по какой-либо чисто межличностной причине имеет право претендовать на видоизменение вашего поведения. По сути, любой звонок, SMS или электронное письмо, помимо прочего, могут содержать элементы властного контроля. Они могут быть как открытыми, так и латентными. Однако в отличие от ситуации институционального контроля, например в коммерческой фирме, где контроль и дисциплинирование по преимуществу носят открытый характер (что часто прямо прописывается в трудовом договоре), межличностный контроль обычно скрыт. В повседневном взаимодействии индивидов властные диспозиции не очевидны. В персональных сетях все участники одновременно и господствуют, и подчиняются. Их позиция во многом зависит от конкретной ситуации взаимодействия. На уровне государства и других институтов практики контроля имеют более однозначный вектор. Конечно, в условиях демократического оформления государственной политики необходимо прибегать к маскирующим контроль формулам: ваши телефоны прослушивают, чтобы бороться с терроризмом, вашу почту перлюстрируют, чтобы обеспечить безопасность, причем именно вашу. Крупные фирмы оправдывают необходимость контроля корпоративной этикой и риторикой эффективности. Но если рассматривать дисциплинирование на уровне межличностного взаимодействия, то здесь прямой и очевидный контроль затруднителен. Здесь каждый раз придумывается формула его обоснования. В сети социальных отношений вас не контролируют, наоборот, за вами ухаживают, о вас беспокоятся. То есть контроль приобретает мягкую форму заботы. Забота отличается от контроля тем, что предполагает взаимную зависимость и необходимость давать объяснение осуществляемому контролю. Забота, подобно фукольтианской «заботе о себе» [14], выражается в дисциплинарном ограничении действий другого в соответствии с индивидуальными представлениями о благе того, кто осуществляет заботу. То есть это совместная деятельность заботящегося и объекта заботы по взаимной субъективации.

Результаты исследования позволяют предположить, что забота во многих случаях обладает властной потенцией. Раньше она была ограничена пространственным режимом близости, теперь информационно-коммуникационные технологии дают возможность индивидам простирать свою заботу в неограниченном временном и пространственном режиме. Именно здесь становится интересным количественное соотношение координирующих и «ухаживающих» звонков, по отношению к звонкам и SMS-сообщениям, носящим деловой или консультирующий характер (см. Таблицу). Например, одна информантка, опаздывая на встречу, демонстрировала мужу свою «огорчение», постоянно «отзваниваясь» о процессе своего продвижения к месту встречи:

«Вопрос: А 31 марта ты указываешь как контакт «серию коротких звонков мужу для координации». Ты указываешь время 5 секунд, то есть это время одного звонка, или серия звонков уложилась в 5 секунд?»

Ответ: Да, это было несколько звонков, я уже и не помню. Звонка три, четыре может быть, вот так. Это такого рода: «Ты где? Я там, на углу», предположим, «А я вот еще из метро выхожу».

Вопрос: Странная ситуация получается, вы только что договорились о встрече, а дальше эта серия звонков. То есть, буквально обговаривается каждый шаг?

Ответ: Это, по-видимому, я опаздывала. То есть такая ситуация возникает, когда кто-то опаздывает. Может быть, он опаздывал, или я. Вот. Когда договоренность не срабатывает, приходится ее вот так на ходу корректировать».

В контексте подобной координации, звонки информантки были формой оправдания, тактической уловкой сглаживающей нарушение договоренности. Звонки же ее мужа, ожидавшего ее у метро, можно прочесть как контролирующую заботу (пять звонков с одним вопросом: «Где ты?»).

Координация, являющаяся основным содержанием коммуникации по мобильному телефону, может рассматриваться как дисциплинирующее взаимодействие, в ходе которого

участники согласуют свои возможности и желания. Новые ИКТ позволяют постоянно переиначивать временной и пространственный контекст взаимодействия. Они дают возможность доминирующему осуществлять более полный контроль над подчиненным, а тому в свою очередь позволяет находить разные уловки в ходе уклонения от контроля.

Еще более очевидным проявление властной потенции заботы становится при анализе «ухаживающих звонков». Не имея даже такого формально информационного измерения как координирующие коммуникации, «ухаживающие звонки» содержат в себе заботу в чистом виде. Особенно удобна для ухаживающего контроля SMS-переписка, которая по данным исследования на половину состоит из «ухаживающих сообщений». Характерным примером является дневник студентки университета культуры им. Крупской. Она, как и большинство информанток, получила мобильный телефон в подарок от своего бойфренда, уезжая из родного Ульяновска. Год жизни в общежитии, новые знакомства, ритм столичной жизни несколько ослабил ее эмоциональную вовлеченность в ульяновские сети. Однако ее молодой человек не прекращает попыток сохранить прежние отношения, регулярно напоминая о себе SMS-сообщениями. Вот выдержки из ее дневника: «Вова поздравил с прошедшими праздниками и поинтересовался моими делами»; «Вова спросил, когда я приеду в Ульяновск»; «Вова пожелал мне доброго утра»; «Вова пожелал мне спокойной ночи». Подобные коммуникационные акты стали возможны только в результате распространения новых ИКТ. Если бы девушка в этом случае не имела бы мобильного телефона, то ее ульяновский жених имел бы значительно более ограниченные возможности регулярно напоминать о себе, поскольку стационарного телефона в общежитии нет. Коммуникация посредством традиционной бумажной почты не создает возможности дистанционного соприсутствия «здесь и сейчас» и, к тому же, не очень надежна.

Приведенные примеры демонстрируют ситуации дистанционной заботы, которую осуществляют по отношению друг к другу участники социальной сети. В этом контексте важно отметить, что «плотность» заботы зависит от позиции в сети человека, ее проявляющего. Чем эмоционально ближе к индивиду человек из его окружения, тем более плотную заботу он способен проявлять. Анализ дневников повседневной коммуникации, показывает, что плотность всякого рода коммуникативных взаимодействий с людьми, относящимися к семейному сегменту сети, была выше, чем в других (дружеских, коллегиальных, приятельских) сегментах сети. Особенно явно дистанционная забота проявляла себя в случаях наличия у информантов детей, когда наблюдалось постоянное тестирование отношений и регулярные координации и «ухаживания» (например, в случае 30-летнего женатого компьютерного дизайнера переговоры по мобильному телефону за всю неделю заполнения дневника велись исключительно с женой, что описано информантом как типичная для него ситуация).

«Факт звонка уже не локализует собеседников в пространстве. Именно поэтому возникает новый речевой ритуал: первым вопросом телефонной коммуникации становится «Ты где?». Одновременно на более высоком уровне коммуникации, доступ к которому имеют «хозяева» сети (соответствующие работники телекоммуникационных компаний и государственные структуры), индивид помимо своей воли каждое мгновение опознан и фиксирован в пространственной системе координат. Даже выключенный и сломанный телефон дает точное местоположение абонента» [12]. Однако и эта прерогатива «сильных» перестала быть монополией. Весной 2004 года оператор сотовой связи ОАО «Мегафон» ввел в тарифный план новую услугу «Локатор», которая позволяет пользователям определять местонахождение своих абонентов с точностью до ближайшего перекрестка, причем за умеренную сумму в 6 центов США¹¹. Для этого необходимо изначальное (одноразовое)

---

¹¹ Услуга позиционировалась изначально как «родительская», то есть предназначенная для семейного контроля за перемещениями детей, но почти сразу это ограничение

согласие абонента на то, чтобы его номер определялся тем или иным звонящим, но после того, как оно получено, местоположение абонента определяется его партером (партнершей) в любом месте в любое время и без какого-либо уведомления. Однако и подобные, буквально тотальные, стратегии контроля сталкиваются с тактическими уловками «слабых». Я интервьюировал семейную пару, подключившуюся на «Локатор». Гендерный порядок в этой семье был организован таким образом, что жена стремилась подчинить своему контролю максимально большое пространство жизни своего мужа, особенно в промежутке его перемещения с работы домой. Тактическая уловка супруга состояла в том, что, отлучаясь с рабочего места выпить с друзьями или подругами, он оставлял телефон в ящике рабочего стола. Характер его работы в качестве мастера достаточно шумного производства позволял списывать свое невнимание к звонкам супруги на специфические условия работы («шумно – я не слышу звонка»).

Итак, забота иногда сталкивается с тактическими уловками объектов заботы, которые пытаются уйти от излишнего контроля. И опять здесь значительную роль играют новые ИКТ.

В моем исследовании, я обнаружил устойчивый набор форм уклонения от персонального контроля посредством ИКТ. Для защиты от нежелательных звонков и контроля пользователями мобильной связи применяется несколько уловок. Во-первых, используется функция определения номера, благодаря которой пользователь может мгновенно увидеть, кто его беспокоит. Хотя такая уловка затруднена тем фактом, что в Петербурге многие номера стационарных телефонов не определяются, она все равно активно применяется. Второй способ – использование расхожего оправдания, что, мол, находился в метро (куда сигнал не проходит) или у телефона сели батареи/внезапно закончились деньги на счету. И третье, элементарное оправдание – «я не слышал(а) звонка». Интересно, что ограниченность набора уловок никак не влияет на частоту их применения. То есть, при необходимости, одни и те же объяснения собственной недоступности могут использоваться снова и снова.

Итак, на уровне индивидуального взаимодействия индивидов ИКТ создают новые условия для осуществления надзора на межличностном уровне, который часто принимает форму заботы и выражается в постоянной координации действий и обилии «ухаживающих» звонков и SMS. Особенность заботы, выражаемой через ИКТ, заключается в том, что для нее не существует ни временных, ни пространственных границ. В области ретрансляционных вышек забота может настигнуть свой объект фактически везде и всегда. Но подобная легкость заботы-контроля также иногда сталкивается с тактическим сопротивлением подчиненных. Как показали данные исследования молодые юноши и девушки, проживающие в Петербурге разнообразно и творчески (по де Серто) применяют ИКТ в качестве инструмента сопротивления как семейной заботе, так и давлению дружеских сетей. Творчески применяемые уловки пользователей ИКТ, позволяют вести сложную игру во властном пространстве, пронизанном волнами ретрансляционных вышек.

Данные исследования подтверждают тезис о том, что развитие информационно-коммуникационных технологий имеет большое значение для современных систем институционального и индивидуального контроля. Как сказал Дениэл Белл, если электричество было агентом трансформации общества второй половины XIX века, то компьютер (и мобильная телефония – Б.Г.) точно так же трансформирует общество второй половины XX века [3, с. 195]. Электричество как источник света, энергии и коммуникации вызвало к жизни «массовое общество», то есть в громадной степени расширило социальные связи и взаимодействия между людьми и тем самым многократно усилило то, что Дюркгейм называл социальной плотностью общества. В этой связи можно сказать, что компьютеры (и мобильные телефоны – Б.Г.) являются инструментами управления массовым обществом,

---

потребительской группы было снято, и теперь «Локатор» доступен для всех пользователей «Мегафона».

поскольку они есть механизмы обработки и передачи социальной информации, громадный объем которой растет почти экспоненциально в силу расширения социальных связей [3, с. 196]. Однако это управление имеет уже другую природу. Дисциплинарный контроль перестает быть прерогативой государства и других институтов, а спускается на уровень межличностных взаимодействий. Власть от иерархии переходит к сети, но и в сети повседневной коммуникации власть «сильных» (начальников, мужчин, родителей) все равно сталкивается с тактическим сопротивлением «слабых» (подчиненных, женщин, детей).

Мы видим, как дисциплинарные попытки государства по осуществлению территориального и информационного контроля наталкиваются на ограничения, созданные массовым распространением ИКТ, как под воздействием ИКТ разрушаются дисциплинарные иерархии организационных структур, как на уровне индивидуального взаимодействия ИКТ становятся инструментом сопротивления семейному надзору и давлению социальных сетей.

В заключении уместно вспомнить высказывание итальянского философа Джанни Ваттимо, который писал, что технология, господствующая в мире нашего обитания и его формирующая, характеризуется в первую очередь системами сбора и передачи информации [4, с. 23], которыми собственно и являются информационно-коммуникационные технологии. Соответственно, дальнейшее изучение ИКТ может открыть новые горизонты для социологического знания.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4.
3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Политическая литература, 1986.
4. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2003.
5. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис, 2002.
6. Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.: Летний сад, 2002.
7. Гладарев Б. Повседневное пользование информационно-коммуникационными технологиями // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 5.
8. Голофаст В. Электронная среда или новые пещерные люди // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 2.
9. Девятко И. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество / Под ред. А. Согомонова, С. Кухтерина. М.: Стови, 2001.
10. Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб.: СПбГУ, 2002.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.
12. Николаева Е.В., Николаева Т.Н. Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной субкультуре // Этножурнал. 2004. № 9 (март). <http://www.ethnonet.ru/lib/0304-01.html>,
13. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Практика, 2002.
14. Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт, 1998.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
16. Хёг П. Условно пригодные. СПб.: Simposium, 2003.
17. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь Мир, 2003.
18. Certeau M. de. The Practice of Everyday Life. Berkely: University of California Press, 1984.

19. Foucault M. *On Power // Politics, philosophy, culture: interviews and other writing of Michel Foucault, 1977–1984*. NY: Routledge, 1990.
20. Foucault M. *Space, Knowledge and Power // The Foucault Reader / Ed. by Paul Rabinow*. New York: Pantheon Books, 1984.
21. Foucault M. *How is Power Exercised? // Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault. Beyond Structuralism and hermeneutics*. Chicago: University of Chicago Press, 1983;
22. Geser H. *Towards a Sociological Theory of the Mobile Phone // http://socio.ch/mobile/t_geser1.htm*, 2003.
23. Manning P.K. *Information Technology in the Police Context: The Sailor Phone // Information Systems Research*. 1996. № 7.
24. Plant S. *On the Mobile. The Effects of Mobile Telephones on Social and Individual Life // <http://www.motorola.com/mot/documents/0,1028,333,00.pdf>*, 2000.
25. Touraine A. *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Culture in the Programmed Society*. N.Y.: Random House, 1971.
26. Townsend A.M. *Life in the Real-Time City: Mobile Telephones and Urban Metabolism // Journal of Urban Technology*. № 2. P. 85–104. <http://www.informationcity.org/research/real-time-city/life-in-the-real-time-city.pdf>, 2000.
27. Wellman B. *The Network Community. An Introduction to Networks in the Global Village // <http://www.chass.utoronto.ca/~wellman/publications/globalvillage/in.htm>*, 1999.